
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF WORLD HISTORY
THE GERMAN HISTORICAL INSTITUTE IN MOSCOW
THE STATE HISTORICAL MUSEUM

REPRESENTATIVE
INSTITUTIONS
OF RUSSIA

IN THE CONTEXT OF EUROPEAN HISTORY

15TH — MID-17TH CENTURIES

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В МОСКВЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ
ИНСТИТУТЫ
В РОССИИ

В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

XV — СЕРЕДИНА XVII В.

The edition has been published
with financial support
of the German Historical Institute
in Moscow

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Германского исторического института
в Москве

Editor-in-Chief
V.D. Nazarov

Ответственный редактор
В.Д. Назаров

Editorial board:

Члены Редакколлегии:

A.V. Doronin,

А.В. Доронин,

Corr. m. RAS S.M. Kashtanov,
I.G. Konovalova,

чл.-корр. РАН С.М. Каштанов,
И.Г. Коновалова,

S.Yu. Koroleva (executive secretary),

С.Ю. Королева (отв. секретарь),

Corr. m. RAS P.Yu. Uvarov,
S.K. Tsaturova, L.A. Shatsillo,

чл.-корр РАН П.Ю. Уваров,
С.К. Цатурова, Л.А. Шаццлло,

A.D. Yanovskiy

А.Д. Яновский

П 71 **Представительные институты в России в контексте европейской истории XV — середина XVII в. М.: Древлехранилище, 2017. 316 с.**

ISBN 978-5-93646-299-3

В книге публикуются материалы международной научной конференции, посвященной становлению и развитию представительских учреждений в России в контексте аналогичных институтов в других странах Европы. В статьях рассмотрены вопросы состава и функционирования институтов представительства на локальном, региональном и общегосударственном уровнях, их роли в разрешении политических и открытых военно-политических кризисов, взаимной зависимости перемен в сословных структурах в обществе и в устройстве представительных учреждений.

ББК 63.3 (2)

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2013 г. в Москве состоялась международная научная конференция, посвященная становлению и развитию представительных учреждений в России в контексте истории аналогичных институтов в других странах Европы. Она была организована Институтом всеобщей истории РАН совместно с Государственным Историческим музеем и Германский Исторический институт в Москве при поддержке Российского исторического общества и Ассоциации учителей истории и обществознания. Актуальность проблематики (форум совпал с 415-летней и 400-летней годовщинами двух выборных земских собор в истории России 1598 г. и 1613 г.), возросший исследовательский интерес обеспечили масштабное участие ведущих специалистов из авторитетных университетов и академических институтов восьми стран (России, Австрии, Белорусии, Германии, Испании, Нидерландов, Украины, Чехии). На пленарных и секционных заседаниях было заслушано и в дискуссиях обсуждено более 40 докладов.

Были рассмотрены вопросы возникновения и эволюции региональных представительных институтов, их соотношения и взаимодействия с аналогичными учреждениями на общегосударственном уровне, взаимной зависимости изменений в сословных структурах общества и в представительных учреждениях. Большое внимание было уделено роли представительных институтов (региональных и общегосударственных) в разрешении острых политических и открытых военно-политических кризисов, проблемам состава, устройства и функционирования представительных учреждений. Проблемно-тематический принцип работы конференции — параллельно обсуждались результаты исследований по истории представительных учреждений Англии, Франции, Германии, Испании, Венгрии, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, России — сам по себе подталкивал к сравнительно-историческим наблюдениям. В ряде выступлений специально анализировались эволюция понятий и теорий представительных институтов.

Конференция вызвала заметный интерес научной общественности и способствовала развитию новых разысканий. Так уже в 2014 г. в журнале «Российская история» (№ 4), была опубликована статья Д. В. Лисейцева по одному из дискутировавшихся на конференции вопросу — кого представляли «выборные

М. А. Бойцов (Москва)

СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ: ОШИБКА В ПЕРЕВОДЕ?

Среди историков, изучавших русские земские соборы, давно сложились две партии: одна склонна так или иначе сопоставлять эти собрания с западно-европейскими средневековыми «парламентами», другая же — напротив, от подобных сравнений решительно отказывается¹. Обсуждать позицию второй группы историков (к числу которых всегда принадлежали не менее уважаемые специалисты, чем к первой) здесь нет возможности. При знакомстве же с трудами «компаративистов», создается впечатление, что свое представление о тех самых «классических образцах», по которым и следует равнять земские соборы, они получали по большей части из работ российских же медиевистов-западников. Так, Л. В. Черепнин использовал понятие «феодальная монархия с сословным представительством»², лишь незадолго перед тем впервые предложенное Е. В. Гутновой, применительно к средневековому английскому парламенту³. Однако следует принять во внимание, что в России и, тем более, в оторванном от мировой медиевистики Советском Союзе, могла сложиться своя собственная традиция восприятия, описания и представления средневековых парламентов, вовсе не обязательно совпадавшая тогда (да и сейчас) с мировым мэйнстримом. Поэтому прежде чем начать обсуждать, подходят ли русские земские соборы под модель, созданную российскими историками-«западниками», стоило бы внимательно присмотреться к тому, что эта модель представляла собой при своем появлении, что — в советские времена, и что представляет сегодня. Откуда она взялась, при каких обстоятельствах и как развивалась, чьи и какие интересы прямо или косвенно выражала... Разумеется, чтобы дать развернутый ответ на все эти вопросы, пришлось бы провести

обширное историографическое исследование: на последующих страницах будут обрисованы лишь первые подходы к нему.

В нашей академической практике не принято ни прояснять историю понятий, которыми пользуются просто в силу сложившейся традиции или по привычке, ни, тем более, анализировать, какой ход мысли, какую цепочку ассоциаций с самого начала задает тот или иной термин, выбранный историком. Между тем сегодня уже не требует доказательства, что любой термин отнюдь не нейтрален, и выбор терминологии уже сам по себе может предопределить конечные результаты исследования. На Западе это поняли еще неокантианцы, благодаря которым (в конечном счете) появился, например, такой замечательный многотомный труд, как *Geschichtliche Grundbegriffe*⁴. В нем можно проследить, как менялся смысл тех или иных хорошо известных понятий — таких как «собственность», «иерархия», «развитие», «реформа», «знать», «общество», «репрезентация», «мир», «равенство» — какими значениями, ассоциациями, а также смысловыми шумами они постепенно обогащались и обрастали. Зато показательно, что у нас даже в самые суровые времена, когда любое нарушение ортодоксии было чревато серьезными неприятностями, слово «феодализм» и особенно «феодальный» сплошь и рядом употребляли вовсе не в официозном истматовском значении. Например, когда говорили о «феодальной реакции» боярства в ответ на политику Ивана Грозного. Понятно, что речь здесь шла отнюдь не о «феодальной общественно-экономической формации», на смену которой Иван IV устанавливал формацию буржуазную, тогда как бояре тормозили ее приход. Имелась в виду политическая раздробленность, которая у нас и сейчас еще почему-то порой называется «феодальной»⁵. Слово «феодальный» продолжало тем самым использоваться

⁴ *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hg. v. O. Brunner, W. Conze und R. Koselleck. Bde. 1–8. Stuttgart, 1972–1997. Перевод некоторых частей этого труда на русский язык см. в качестве отдельного издания: *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи* / Пер. с нем. К. А. Левинсона; сост. Ю. П. Зарецкий, К. А. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. Ю. Е. Арнаутова. Т. 1–2. М., 2014.

⁵ В выражении «феодальная раздробленность» содержится французско-русская тавтология, которую можно передать в переводе совсем на русский как «раздробленность времени раздробленности». Мне, разумеется, начнут возражать, что слово «феодальный» имеет куда более глубокий смысл и относится к самому общественному строю, господствовавшему в Средние века. Но тогда стоит спросить, бывала ли «политическая раздробленность» когда-либо «рабовладельческой» или «капиталистической»? И почему процесс «политической централизации» никогда не обозначался как «феодальный», хотя, вроде бы, должен был происходить на основе того же самого «строения» и той же самой «феодальной собственности», что ранее привели к возникновению «раздробленности». Устойчивые словосочетания, похоже, способны пережить любой режим и любое идеологическое переписывание истории: еще одно свидетельство того, что историк зависит от языка, которым он пользуется, сильнее даже, чем

¹ В работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году. Сокращенный вариант этой статьи был опубликован в изд.: *Средние века*. Вып. 75. № 3–4. М., 2014. С. 65–78.

² *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII в. М., 1978. С. 389–390.

³ *Гутнова Е. В.* Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII в.) М., 1960. С. 38, 563–564, 566–567 и др.

в досоветском, «французском», сугубо устаревшем (с точки зрения официального учения) смысле — одном из тех, что некогда был так присущ «реакционной» «буржуазной историографии», но вообще-то должен быть преодолен в прогрессивной советской. Однако данного скандального обстоятельства не замечали ни авторы, ни ответственные редакторы, ни рецензенты, ни читатели, ни гослитовская цензура. В «неправильном» словоупотреблении не скрывалось никакой тайной борьбы с ортодоксией, никакой фронды — все дело было просто во всеобщей невнимательности и отсутствии здоровой привычки анализировать происхождение и контексты используемых понятий.

Поскольку сочетание слов «сословно-представительная монархия» упорно сопротивляется точному переводу на иностранные языки, создается впечатление, что оно является сугубо российским изобретением, в отличие от более простых терминов, таких как «сословная монархия», «сословное представительство» или же «представительное правление», аналоги которым можно найти во французском, английском или немецком языках. Кто именно придумал новообразование «сословно-представительная монархия», еще предстоит установить.

В книге В. К. Пискорского (1867—1910) о кастильских кортесах, вышедшей в 1897 г., только однажды мелькает выражение «сословно-представительное собрание»⁶. Предпочитает же автор говорить о «народном представительстве», «представительном образе правления» и даже о «национальном собрании», о том, что кортесы служили «известным выражением народных интересов», и их следует оценивать в зависимости от того, насколько они сдерживали «произвол королевской власти» и в какой мере служили выражением «голоса нации»⁷. Все эти обороты и ходы мысли не только выдают в авторе либерала-западника, но и совсем неплохо соотносятся с классическим французским словоупотреблением применительно к истории Генеральных штатов и английского Парламента.

Похоже, что исторически самый глубокий смысловой слой в интересующем нас русском термине относится к «французской» идее представительства, одна-

от парткома. Что же до самой «феодалной собственности» как краеугольном камне советской концепции феодализма, то причина, по которой *юридическая* категория собственности стала в глазах советских историков ключевой для любых *экономических* отношений, как выясняется, предельно проста. Вся эта политэкономическая схоластика обязана своим возникновением одному не самому грамотному тезису И. В. Сталина (см.: *Филитов И. С. Б. Ф. Поршнев и политическая экономия феодализма // Французский ежегодник. 2007. М., 2008. С. 87—129*). Впрочем, это уже вопрос отнюдь не терминологии.

⁶ Пискорский В. К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новым (1188—1520). К., 1897. С. XVII. Зато выражение «сословно-представительные учреждения» постоянно используются, например, в статье примерно того же времени: *Тарле Е. В. Сословная монархия и сословные представительные учреждения // Энциклопедический словарь. Т. 30а. СПб., 1900. С. 913—914.*

⁷ Пискорский В. К. Указ. соч. С. 161—162.

ко отнюдь не каких-то туманных сословий, а *всего* народа (или, применительно к Средневековью, *всего* королевства). Знаменитый курс лекций Франсуа Гизо (1787—1874) (прочитанный еще в начале 20-х гг. XIX в., но опубликованный существенно позже), видимо, и побудивший российских либеральных историков присмотреться к средневековому английскому Парламенту и подобным ему собраниям в других странах, был посвящен истории вовсе не «сословно-представительства», а «представительного правления»⁸. Естественно, речь в нем шла отнюдь не о «представительстве *сословий*», а — в духе идей Просвещения — о постепенном вызревании представительства *всего народа* или *всей нации*, о медленном, но неуклонном движении к столь ценимой Ф. Гизо конституционной монархии. В Российской империи подробно обсуждать явления, подпадающие под понятие «представительного правления», было, скорее всего, не вполне комфортно, поскольку последнее является не чем иным как альтернативой правлению самодержавному. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона статья «Представительство (политическое)» написана весьма кислым тоном и совсем невелика по объему, но «Представительное правление» — еще меньше раза в четыре и занимает всего несколько строк⁹. Вообще книг русских авторов о «представительном правлении» при подготовке данной статьи обнаружить не удалось. Правда, в 1863 г. вышел перевод собрания публицистических очерков Дж. С. Милля (1806—1873), ему посвященных¹⁰.

Насколько одной своей стороной идеи конституционалистов XIX в. — в нашем примере Ф. Гизо — были противоположны идеям средневековых государей, вовсе не мечтавших об ограничении своей власти, какими бы то ни было собраниями, настолько же другой своей стороной они соприкасались. Ведь цель монархов далекого прошлого состояла не в том, чтобы собрать представителей трех или любого иного числа «сословий», а чтобы получить представительство *всего* королевства, княжества или *всей* «земли» — точно так же, как на церковном соборе собирается представительство *всей* церкви. Ценность средневекового политического собрания состоит вовсе не в том, что на нем представлены *все части* некоего целого, а в том, что представлено (пускай «лишь» символически) *всё* это *целое*, даже если какие-то его части в техническом отношении отсутствуют. Чтобы Парламент представлял «все общины Английского королевства», в нем вовсе не обязательно должны действительно собраться

⁸ Guizot F. P. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. Т. 1—2. Paris, 1851 — 1852.

⁹ Водовозов В. В. Представительство (политическое) // Энциклопедический словарь. Т. 25. СПб., 1898. С. 28; Представительное правление // Там же. С. 25.

¹⁰ Милль Дж. С. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863. Следующее издание вышло в отредактированном переводе и под немного измененным названием: *Он же. Представительное правление. Публицистические очерки. СПб., 1897.*

представители каждой из многочисленных общин острова¹¹. Однако данная мысль в русском сочетании слов «сословное представительство» выражена, как минимум не четко, и легко побуждает историка двигаться в совершенно другом направлении — размышлять о том, как разные «сословия» оказывались «представлены» в средневековых парламентах¹², а это — совсем иной сюжет.

Самая большая терминологическая сложность здесь состоит в самом слове «сословие». Оно тесно связано с реалиями (или хотя бы с юридическими фикциями) Российской империи. Более или менее регулярное сословное деление вводилось в России усилиями прежде всего Екатерины II, создавшей четыре «главных рода людей»: дворян, духовенство, городских обывателей и сельских обывателей — деление, которое, будучи зафиксировано в ряду «общих положений» в начале IX тома Свода законов Российской империи, теоретически оставалось в силе до февральской революции 1917 г. «Из всех европейских государств роль правительства в создании С. была наиболее видной в России: наши С. сложились преимущественно не только под влиянием, но и по инициативе государственной власти»¹³. Правда, с самого начала и до самого конца навязывавшееся сверху упрощенное сословное деление было искусственным и плохо соотносилось со сложной структурой населения империи. На практике законодательство и в начале XX в. считалось с существованием многих более мелких групп, которые нередко тоже именовались «сословиями». Отсюда многозначность употребления слова «сословие» даже в Своде законов. Тем не менее, в распоряжении историков — как русистов, так и «западников» — имелось вполне авторитетное определение, приведенное и в цитируемой уже энциклопедии: «Обыкновенно термином “сословие” обозначают отдельную группу под-

¹¹ Характерные особенности средневекового «политического представительства» отлично видны на примере Византии. При избрании императора или по иным серьезным поводам весь «римский народ» может быть представлен одними столичными горожанами, да и то вовсе не обязательно всеми, а, например, лишь собравшимися на Ипподроме. Тем не менее, никто не ставил под сомнение то, что они (наряду с сенатом и войском) легитимно выражали волю «всех ромеев». Идея «представительства» была вообще широко распространена в древних и средневековых обществах. Другое дело, что механизм образования такого представительства может выглядеть не вполне убедительным на взгляд либерального юриста XIX или XX в. Однако его сомнения были чужды современникам, например, Оттона I. Они ведь были вполне согласны с тем, что короля избрали «все» франки и саксы, хотя на инаугурационной церемонии в Ахене присутствовало наверняка лишь несколько сотен знатных людей. Тем не менее, их «представительства» было вполне достаточно для придания королевскому статусу Оттона I легитимности.

¹² И не только средневековых. Так, Е. В. Тарле считает «сословной монархией» с собственным сословно-представительным учреждением «афинское государство до-солоновых времен» (Тарле Е. В. Указ. соч. С. 213).

¹³ Лазаревский Н. Сословия // Энциклопедический словарь. Т. 30а. СПб., 1900. С. 911.

данных, своим юридическим положением каким-либо определенным образом отличающихся от остального населения, причем отличия эти передаются по наследству»¹⁴. Почти такое же определение, заимствованное из юридической теории и практики Российской империи, воспроизводилось (да и сегодня еще воспроизводится) в советской литературе о «сословном представительстве». Оно продолжало применяться медиэвистами даже несмотря на то, что, скажем, католическое духовенство (в отличие от православного) вряд ли в состоянии передавать свои характерные сословные отличия именно по наследству...

К сожалению, между исходными латинскими *ordines* или *status* и русским «сословием» имеется не меньше серьезных различий, чем совпадений. Они хорошо проявляются на следующем единичном примере. Согласно одной влиятельной юридической теории, в Англии, как и во Франции, имелись три *ordines* — *three estates of the realm*, — а именно: король и обе палаты парламента. То же самое и в Речи Посполитой: *tres ordines* там составляли король, сенат и посольская изба. Назвать короля первым *ordo* или, иначе сказать, что король составляет первый *ordo* или *status* (ранг), вполне возможно, но назвать его же «первым сословием» как-то язык не поворачивается. Тут-то и становится очевидным, что в русском слове иначе расставлены смысловые акценты, чем в исходном латинском — образ группы, притом большой, выступает на первый план, идея ранга, статуса, уровня, чина — наоборот, уходит на второй. Слово «чин» подошло бы здесь, пожалуй, лучше, чем слово «сословие», но как образовать в нашем языке «представительство чинов»? Правда, в таком образовании и нет никакой нужды, именно потому, что «чины» явно безлики и мало самостоятельны и должны служить «представлению» некоего общего целого — земли, королевства или империи, в «представлении» самих себя не нуждаясь. Таким образом, русское слово «сословие» оказывается, с одной стороны, слишком туманным, чтобы позволить выстроить подходящее к западному Средневековью определение, но с другой — недостаточно туманным, потому что привносит с собой в подсознание историка сомнительные российские ассоциации.

Западные *ordines* не существуют в реальности (во всяком случае, на долгих первых порах) — они абстракции, родившиеся в сознании королевских юристов, знакомых с еще античными по происхождению органо-логическими теориями общества, с делением его на те или иные группы, обозначаемыми по-разному Аристотелем, Фомой Аквинским и другими древними и средневековыми теоретиками. Когда королевским юристам нужно было собрать на ассамблею «все королевство», французские юристы руководствовались сугубо умозрительным представлением, будто «все королевство» складывается из трех *ordines*. Юристы же английские исходили из куда менее абстрактной идеи о том, что «все королевство» складывается из местных общин. По-своему кон-

¹⁴ Там же.

кретны были юристы германских королей и императоров, хотя они, в отличие от английских коллег, не имели даже приблизительного представления о том, сколько общин может быть в их империи, а в отличие от коллег французских, не увлекались теорией трехчастного деления общества. Зато они составляли очень длинные и дробные списки тех, из кого в их понимании складывалась империя: «курфюрсты, князья, церковные и светские, прелаты, графы, бароны, господа, рыцари, оруженосцы, имперские и вольные города...» Кстати, в перечне фигурируют именно «города», т. е. партикулярные единицы, политические индивиды, а не «горожане» как «общенациональная» социальная группа — вопреки советской исторической науке. Она прилагала много усилий, чтобы выявить процесс складывания особого «городского сословия», которое должно было бы со временем вынудить короля консультироваться со своими представителями. В Священной Римской империи отдельным *ordo* («чином») еще в XVI — XVII вв. считается каждый город, а не «города» вообще, каждый граф, а не «графы» вообще и т. д. Любой из этих политических субъектов был особым индивидом с собственным уникальным набором привилегий, вполне самостоятельным членом единого тела империи, так что при отсутствии кого-то из них представительство империи рисковало оказаться неполным. Беспокоиться же о том, чтобы кто-то специально «представлял» некое особое сословие «графов», разумеется, никому не приходило в голову.

В английском, французском и немецком (что на уровне империи, что на уровне отдельной земли) вариантах мы наблюдаем одно и то же: центральная власть старается в своих целях организовать представительство всей земли, всего королевства, всей империи, а уж как она рисует себе это политическое сообщество, как определяет его существенные части и как собирает ассамблею, разнится от одной традиции к другой. Общим является, пожалуй, то, что «земля», «королевство», «империя» и т. п. понимаются не в пространственном или любом ином смысле, а как совокупность так или иначе привилегированных лиц и групп. Из них, собственно, «земля», «королевство», «империя» и состоят. Как именно структурируется составленная из таких групп ассамблея, в конце концов, не слишком важно. В конце 20-х гг. XX в. Отто Хинтце, один из немногочисленных тогда историков — последователей Макса Вебера, разделил все европейские представительные ассамблеи на два типа. Собрания, возникшие относительно рано (притом обычно на окраинах латинской Европы) и потому долго сохранявшие архаические черты, делились на две неравные по статусу палаты. Те же собрания, что возникли позже (и притом в регионах, относившихся еще к каролингскому ядру Европы), составлялись из трех более или менее равноправных курий¹⁵. Из такого различия О. Хинтце

¹⁵ Hintze O. Typologie der ständischen Verfassungen des Abendlandes // Historische Zeitschrift. Bd. 141. 1930. S. 229–248.

выводил немало серьезных последствий для дальнейшего «конституционного развития» соответствующих земель. Однако особого значения тому, какие именно «сословия» получали «представительство» в двухпалатных или трехчастных «парламентах», он не придавал.

Вторая общая черта ранних политических ассамблей (помимо того, что они представляли «всю землю») состояла в том, что их деятельность (даже в Англии с ее прецедентным правом) строилась под сильным, а нередко и определяющим, влиянием права римского и канонического. Возможно, именно в этом стоит искать объяснение того, почему средневековые парламенты стали характерной особенностью именно Западной Европы. И здесь же, вероятно, можно заподозрить возможный корень различия между русскими земскими соборами и западными представительными собраниями.

В немецком языке слову *status* издавна соответствовало *der Stand*. Это слово и по этимологии, и, по сути, намного ближе к латинскому прототипу, чем русское «сословие». Его вполне можно использовать для описания одного носителя определенного достоинства, — будь то король, епископ или граф — не испытывая непреодолимых сложностей. Но и оно, по мнению современных немецких историков, оказывается на поверку слишком расплывчатым и многозначным¹⁶. Принадлежность к тому или иному *Stand* задавалась совершенно разнохарактерными признаками — то родовыми, то профессиональными, то индивидуальными, то еще какими-либо, что не позволяет историку выстроить сколько-нибудь стройную классификацию этих немецких «сословий».

В любом случае русские выражения «сословное представительство» и «сословная монархия» похожи больше всего на кальки с немецких *ständische Vertretung* и *ständische Monarchie*. Однако смысл их на русской почве оказывается иным, чем в немецкой литературе. Так, в какой-либо немецкой земле легко насчитать десятки разных *Stände* — каждый знатный род, каждый город, соборный капитул или университет может представлять *собой* отдельный *Stand*. Здесь речь идет как раз не об абстракциях, как во Франции, а о вполне конкретных единицах — политических и правовых субъектах. Вопрос о представительстве таких *Stände* сводится преимущественно к тому, какие именно *Stände* собраны вместе, в каких общих залах их собирают и на каких общих скамьях они в этих залах сидят.

При «русском» же понимании «сословного представительства» «сословий» должно быть не больше, чем пальцев на руке, и они должны являть собой большие группы людей, причем главный вопрос сводится к тому, как именно

¹⁶ См. характерную жалобу на исключительную сложность данного понятия: Conze W., Oexle O., Walther R. *Stand, Klasse // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 6. St.-Vert, 1990. S. 155–284, здесь S. 156–159.

осуществляется отбор тех людей, которые будут «выражать общие интересы» этой группы в отведенной ей палате. Интересно, а знали ли сами ее члены о существовании таких «общих интересов», или же их в состоянии уловить только сегодняшний историк? Почему именно такая постановка вопроса увлекла русских либералов рубежа XIX и XX вв. догадаться несложно.

Однако придуманное кем-то из них сочетание «сословно-представительная монархия» похоже на эклектичное соединение двух разнородных немецких оборотов. Первый — *ständische Monarchie* — означает, как уже сказано выше, вовсе не такое устройство, при котором графы могут выбрать и отправить в парламент представителей от «сословия» графов, а такое, где каждый имперский граф может явиться сам, поскольку без него империя представлена не полностью. Сочетание же слов *repräsentative Monarchie* подразумевает не «представительство сословий», а представительную монархию, либо, примерно в том же смысле, что и *gouvernement représentatif* у Ф. Гизо, либо же в почти противоположном: решения, согласованные государем со всего несколькими десятками человек, обязательны для исполнения всей страной.

Если Т. Н. Грановский пользовался словом «сословие» еще бессистемно, не вкладывая в него специального социологического смысла¹⁷, то, например, у Н. И. Кареева в его книге «Поместье-государство и сословная монархия средних веков», вышедшей в 1906 г., сословное общество средних веков получает четкие характеристики. Вот определение «сословной монархии»: «Король делился властью с представителями отдельных сословий, на которые распалось каждое государственное общество. <...> Правом представительства пользовались только высшие сословия или «чины» (*ordines, Stände*) государства и потому средневековые аналогии современных парламентов мы называем сословно-представительными¹⁸». И ниже разъясняется: «В средневековом обществе на Западе, начиная с феодальной эпохи, мы различаем четыре сословия: духовенство, дворян, горожан и крестьян, и эти четыре сословия сохраняются там в течение всего нового времени до политических переворотов с конца XVIII в., которые положили начало разрушению сословного строя и превращению общества в бессословное гражданство, разделенное лишь на социальные классы»¹⁹. В приведенных определениях содержатся противоречия и очевидные сегодня анахронизмы, которые, не будучи вовремя выявлены, оказались унаследованы вместе с терминологией практически всей последующей российской и советской историографией.

¹⁷ Грановский Т. Н. Лекции по истории позднего средневековья (лекция 1—43). М., 1971. *Passim*.

¹⁸ Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в средние века. СПб., 1913. С. 6—7.

¹⁹ Там же. С. 177.

Крайне сомнительным выглядит сегодня безапелляционное утверждение Н. И. Кареева, что король «делится властью» с собранием. Сплошь и рядом короли созывали ассамблеи, чтобы усилить свою власть, а не поделиться ею с кем бы то ни было. Пример первых Генеральных штатов во Франции тут весьма показателен, но примеров и из других стран можно привести множество. Полным анахронизмом является не менее категорическое утверждение о реальном существовании в Средние века «четырех сословий». Для Н. И. Кареева они — твердая и бесспорная социологическая реальность, а вовсе не продукт умствования средневековых юристов. Разумеется, теории юристов каким-то образом соотносились с их собственной действительностью и даже более того — оказывали на нее серьезное влияние. Однако сегодня историки видят структуру средневекового общества несравнимо более сложной и многоуровневой — не сводимой ни к трем, ни к пяти, ни к десяти большим группам. Более того, вряд ли мы вообще можем вывести какую-то единую «правильную» структуру общества — что средневекового, что, кстати говоря, сегодняшнего.

Во-первых, каждый человек идентифицирует себя сразу со многими группами в соответствии с собственной системой ценностей. Так, скажем, средневековый рыцарь будет принимать на себя множественные роли, определять себя как члена различных сообществ, общаясь с членами своего семейного клана, со своим приходским священником или епископом, с собственными оруженосцами, с купцами из соседнего города, с рыцарями из чужих краев, приехавшими на турнир, с прекрасными дамами из встреченного по дороге замка, с сарацинами в Святой земле...

Но все эти его разнообразные мнения о самом себе рискуют не совпасть с компетентными суждениями сборщика налогов, вербовщика наемников или королевского судьи, перед которыми наш рыцарь рано или поздно может предстать в той или иной роли. Ведь центральная власть имеет обыкновение навязывать своим подданным собственные представления о том, к каким «сословиям» и группам им следует себя причислять. При этом и она сама может придерживаться по этому вопросу разноречивых мнений — притом в одно и то же время. Одно дело, когда речь идет о созыве Генеральных штатов для осуждения происков внешних врагов, другое — когда интенданту финансов нужно определить, сколько денег собирать с тех или иных групп населения, третье — когда от судьи требуется принять решение, например, какую форму процесса следует выбрать для разбора дела того или иного подсудимого. А еще бывали доморощенные «социологи», решавшие, например, сложные вопросы о том, представители каких групп населения нашего города должны выходить приветствовать приезжающего короля, чтобы такая «делегация» была репрезентативна: членов цехов следует представлять вместе с членами гильдий или нет? Жены членов магистрата должны идти вместе с дочерьми или же девиц следует собрать отдельно? Евреи предстанут в ряду менял и купцов или особой группой?

Пока что речь шла о заботах организаторов-практиков, но ведь были еще и теоретики, авторы ученых трактатов, и сегодня еще смущающие исследователей спекулятивными рассуждениями, например, о том, каким рыцарям положено иметь только треугольное знамя — пеннон, а каким дозволяется владеть более почетным — прямоугольным баннером. Автор одного английского геральдического трактата XV в. убедительно доказывал, что настоящий баннерет должен приводить с собой на войну не менее 100 человек. Зато его современник из Франции считал, что на баннер может претендовать рыцарь, у которого достаточно земли для содержания четырех рыцарей с пеннонами, а к тому же еще имеется фьеф с замком и не менее чем 25 деревенскими очагами. Вряд ли историкам когда-нибудь удастся сравнить между собой двух рыцарей с баннерами — английского и французского. Впрочем, в таком сравнении и нет никакой необходимости, потому что в трактатах других «социологов» того же времени предлагались совершенно иные «социальные» дефиниции баннеретов. Притом каждое такое мнение выросло из определенного представления автора о «сословном делении» своего общества.

Казалось бы, лучше всего «сословную принадлежность» можно выявить по нотариальным актам, поскольку при их заключении заявитель на равных встречается с ученым юристом — носителем официального знания об обществе. В их диалоге «стихийная идентичность» одного должна отшлифоваться ученой теорией другого, чтобы, в конечном счете, дать нам четкое сословное определение конкретного лица. Однако даже в таких случаях ясность достигалась далеко не всегда, иначе о парадоксах «сословной» (само)идентификации не были бы написаны целые тома²⁰.

Если современники не в состоянии сами внятно рассказать о структуре своего общества, то это за них куда лучше сделают нынешние историки во всеоружии своих методов. Во всяком случае, современные историки обычно в этом свято уверены. Однако добросовестное историческое исследование, как правило, приводит либо к констатации той же неопределенной множественности социальных групп при неясности границ между ними, либо к вычленению некоей «своей группы» в соответствии с заданными историком параметрами, важными для него, но необязательно для изучаемых им людей. Как эта «объективно» выделенная группа будет соотноситься с каким-либо «сословием» (для которого обычно требуется и наличие некоторой собственной «субъективности»), наверняка определить окажется непросто.

Иными словами, ни одно общество не обладает некоей единой собственной «социальной структурой», которую историку достаточно всего лишь «вскрыть»: характеристики составляющих общество групп и слоев могут кар-

²⁰ Уваров П. Ю. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.

динально меняться в зависимости от задаваемых параметров наблюдения, а также от того, кто, собственно, наблюдает и с какими целями. Откуда нам при таких условиях взять единственно верную «научную» картину средневековых «сословий» и тем более подсчитать их «правильное» количество и численность их членов? А если допустить, что такую картину мы все же каким-то чудом нарисовали, как сопоставить ее со структурой ранней парламентской ассамблеи? Будем сожалеть, что далеко не все «объективно существовавшие» группы населения оказались в должной мере «представлены» в собрании? А почему, собственно, они должны были быть там представлены? Время применения «научно-социологических» оснований для построения символического «представительства страны» придет намного позже — вспомним в качестве примера Верховный Совет СССР, где женщин, хлеборобов и молодежи (как, впрочем, и всех прочих) было в процентном отношении столько же, сколько и во всей стране. А вот для несколько менее символического средневекового представительства Французского королевства вполне хватало собрания трех «чинов» в Генеральных штатах.

Особое внимание нужно уделить тому обстоятельству, что группы, собранные на ассамблею, тоже принято именовать «сословиями», а это вносит дополнительную путаницу в сознание отечественного историка. За пределами сознания королевских советников, в реальной жизни три (или кое-где четыре) *ordines* существовали только в виде нескольких групп лиц, собранных в тот или иной «предпарламент». Нам проще было бы называть такие группы «палатами», «камерами» или «куриями», нежели «сословиями». Ведь последнее обозначение добавляет смыслов (и вместе с тем тумана) и без того уже неопределенному слову. У «сословия» как определенной части участников ассамблеи было одно неоспоримое преимущество перед «сословием» как социальной стратой: «сословие» в парламенте при желании можно было увидеть — оно и впрямь существовало в реальности.

Вот только за спиной «сословия» в смысле «палаты городов на собрании» вовсе не обязательно должно было стоять некое дисперсное «сословие горожан», якобы направлявшее своих представителей в парламент. Посланцам Аугсбурга было крайне тяжело понять, что у них может быть общего с посланцами Кёльна. Другое дело, что на взгляд королевских юристов такое «общее» между бюргерами из двух столь разных городов иметься все же могло. Если представители Аугсбурга и Кёльна и начинали догадываться о близости своих интересов, то только уже в ходе заседаний «парламента», а не до того. Поэтому парламентское «сословие горожан» следует рассматривать вовсе не как проекцию некоего реально существовавшего национального сословия, а в лучшем случае как предпосылку для появления такового в будущем.

Случайно ли постулированная Н. И. Кареевым сословная структура средневекового общества в книге, вышедшей в год избрания Первой Государ-

ственной думы, с точностью совпала с официальным сословным делением Российской империи? Действительно ли автор занимался прояснением средневекового прошлого или же его труд на самом деле имел больше отношения к парламентскому настоящему. Между тем и книга Н. И. Кареева вообще, и приводимые в ней определения, в частности, оказали сильное, а возможно и определяющее, влияние на последующие поколения отечественных медиевистов. Кстати, это именно у Н. И. Кареева сочетание слов «сословно-представительные учреждения» встречается, как и у Е. В. Тарле, постоянно, хотя, например, в трехтомном труде М. М. Ковалевского, вышедшем в том же 1906 г., такого оборота нет. Не вытекает ли вся советская теория «сословно-представительной монархии» именно из впечатляющего труда Н. И. Кареева?

В советские времена и без того расплывчатое дореволюционное понятие «сословие» было осложнено подчинением его категории «класс», относящейся к характеристике социальной группы уже не по юридическим, а по политэкономическим параметрам. В результате неопределенность как самого понятия, так и всех институтов, с ним связанных, возросла многократно. Если крестьянам несложно было превратиться в «класс-сословие», а классу феодалов — предстать двумя эксплуататорскими «сословиями», то понятные трудности возникли с городским «сословием», которое не полагалось называть классом, но которое, во-первых, вроде бы обладало особым местом в системе производства, и, во-вторых, со временем вроде бы должно было породить новый ведущий класс.

Тем самым дореволюционные характеристики сословий, ассоциировавшиеся с Российской империей, нащупывавшей пути к парламентаризму и конституционной монархии, начали серьезно трансформироваться. В учебниках и популярной литературе городское сословие начинает вести себя примерно по образцу пролетариата (как его рисовали еще теоретики социал-демократии): сначала сословие горожан «складывается», потом «начинает осознавать свои интересы» и, наконец, стремится через своих представителей отстаивать эти интересы в средневековом парламенте. Чтобы эта схема приобрела хоть какое-то правдоподобие, требовалось доказывать, что некое «городское сословие» (определяемое то по месту в процессе производства, то по сугубо юридическим характеристикам, то по совокупности того и другого) уже существовало к моменту созыва первых представительных собраний. На худой конец оно должно было «складываться», но при этом уже заставлять королевскую власть искать его поддержки.

А еще в советские времена сама тема сословного представительства сменила свое место в общем историческом метанарративе. Даже немногих приведенных выше цитат достаточно, чтобы заметить, насколько дореволюционные российские либералы ценили в «сословном представительстве» прежде всего то, что оно в той или иной степени ограничивало власть короля. Ничего удивительного: в XIX и начале XX в. либеральная историография по всей Европе,

а не только в России, видела в средневековом «сословном представительстве» именно силу, способную обуздать произвол правителя. Для советской историографии этот мотив оказался слишком громким и не вполне благозвучным, отчего в ней все больше начали подчеркивать совсем другую сторону ранних парламентских ассамблей: их вклад в формирование единого национального государства. «Сословная монархия» стала теперь интересна не как исток «свободы» — парламентской демократии, а, прежде всего, как промежуточный этап на пути от феодальной раздробленности к централизации и абсолютизму. Тем самым дореволюционная трактовка исторической роли «сословного представительства» изменилась до неузнаваемости: теперь оно стало этапом на пути складывания неограниченной государственной власти, а вовсе не развития парламентских свобод и обуздания правительственного произвола.

В результате всех многочисленных смысловых наложений терминами «сословие», «сословное представительство» и «сословная монархия» (не говоря уже о «сословно-представительной монархии») к сегодняшнему дню стало очень трудно пользоваться. Достаточно уже того, что образ сословий стал не только двоиться, но и троиться — «сословия» оказываются и «объективно существующими» группами со своими особыми производственными, торговыми и политическими интересами (однако, похоже, не всегда догадывавшимися об общности этих интересов), и фиктивными моделями таких групп, порожденными сознанием ученых теоретиков, и даже самими «представителями», собравшимися в разные палаты тех или иных ассамблей. Разобраться в этом терминологическом клубке стало уже совершенно невозможно.

Подведем итоги. Некритично — вплоть до автоматизма — используемые сегодня понятия «сословно-представительные учреждения», «сословно-представительная монархия» и т.п. заданы академическими и политическими проблемами, характерными для того времени, когда они появились в трудах конца XIX — начала XX вв. Использование этих терминов — при всей их расплывчатости и заведомой многозначности — подталкивает историка еще и сегодня к выбору вполне определенного угла зрения на его материал. Так, он будет представлять себе «сословие» скорее в качестве реально существовавшей группы, нежели в качестве теоретического конструкта средневекового юриста. Группа эта скорее должна быть *большой*, отчего историк, скорее всего, не заметит в качестве «сословия» никакого индивида (физического или же корпоративного). Группу эту он будет представлять себе скорее именно как совокупность близких по социальному положению людей, как социальный слой — «протокласс», «недокласс», нежели, например, как совокупность корпораций. Следовательно, для него «сословием» будут именно «горожане», но не «города» или тем более отдельный город. У такого «реально существовавшего» сословия историк будет, скорее всего, стараться обнаружить не только специфический юридический статус, но и особые политэкономические характеристики. Нашего иссле-

дователя будет, вероятно, куда меньше интересоваться вопросом о представительстве «страны» как единого целого, нежели о «представительстве» одного сословия. Соответственно, его столь же мало будут занимать юридические (гражданско-правовые и церковно-правовые) обоснования «единства страны» и взаимосвязи отдельных ее сообществ, общих принципов представительства, но зато будет привлекать механизм появления представителей от одного «сословия» — прежде всего техника выборов. Закономерно, что привилегированным объектом его внимания должны стать горожане, а не какие-либо иные «сословия». Вопрос же о том, что «сословия» не «представлены» в парламенте, а создаются в нем, не должен возникать у нашего историка вовсе — ведь «сословия» складываются заранее... В итоге он никогда не согласится на попытку спасти выражение «сословное представительство», перетолковав его как символическое представительство страны, конструируемое при помощи «сословий», понимаемых только как группы участников ассамблей, а не как социальные страты. Вероятно, подобных aberrаций сознания, вызываемых привычной терминологией, еще намного больше, но чтобы указать на необходимость заново присмотреться к сущности средневековых парламентов, пожалуй, довольно и сказанного.

